

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Любовь, как известно, субстанция капризная. Одному, вроде бы ничем не выдающемуся и даже дурковатому, она ласково улыбается и драгоценные подарки преподносит. Другому, ладному, не глупому и со всеми достоинствами – только рожи корчит, а то и вовсе стороной обходит...

Старший прапорщик Аристарх Виленович Дралов был из числа «других». И вроде бы не дурён собой, и сложен атлетически, и Баха от Фейербаха отличал, ан нет: до сорока пяти лет дожил, а что такое любовь, так и не узнал.

В армию Дралов угодил по недоразумению – в университете, где он обучался философии, не оказалось военной кафедры. Пришлось после окончания вуза отдавать долг Родине срочником.

Замполит батальона уже через полгода предложил ему:

– Давай-ка, Дралов, иди на курсы прапорщиков! Назначим тебя комсоргом батальона, а это офицерская должность... Прапорщикам с высшим образованием, стоящим на ней, разрешается лейтенантов присваивать. Получишь лейтенанта, а там тебе прямая дорога в генералы!

Дралов повёлся – и пролетел.

Стоило ему получить звёздочки прапорщика, вышел приказ приостановить присвоение первич-

ных офицерских званий тем, кто не имеет военного образования. Дралов поступил в среднее военное училище и экстерном окончил его. Тут новый приказ. Мол, в стране и без того достаточно выпускников высших военных училищ, чтобы вакансии лейтенантов такими, как Дралов, заполнять...

Можно было бы ему уволиться в запас, но Дралов как человек настырный продолжал идти к своей цели. Он несколько раз писал рапорты Министру обороны СССР и даже в Комитет партийного контроля обращался, требуя справедливости. Из высоких инстанций приходили обнадёживающие ответы, дескать, потерпите, товарищ прапорщик, всё ещё может вернуться на круги своя, и станете вы офицером.

Но время шло, а лейтенантские звёзды всё не загорались.

После тридцати Дралов перестал реагировать на армейские шуточки типа: «Курица не птица, Монголия – не заграница, а прапорщик – не офицер» – и расстался с должностью комсомольского вожака. Его назначили начальником солдатского клуба в артиллерийском полку. Он как-то быстро прижился на новом тёплом месте, получил звание старшего прапорщика и остался выслуживать стаж, необходимый для выхода на военную пенсию.

Командование полка квартиру пообещало, как только он надумает жениться. И хотя ни к кому из женского пола он возвышенных чувств не питал, но от возможности получить квартиру отказываться не хотел.

Вскоре и невеста подходящая нашлась.

С будущей женой Варварой познакомился Дралов на танцах в клубе, где служил начальником.

Коренастая, грудастая и широкозадая Варвара была далека от идеала, воспетого романтиками, но Дралов смотрел на жизнь трезво: «Хорошо рожать будет!» – и подошёл к ней.

– Я ведь девушка ещё... – призналась Варвара в первый же день знакомства.

«Женюсь!» – решил Дралов и женился.

Сходили они с Варварой в ЗАГС и расписались. Скромно отметили свадьбу в гарнизонном кафе.

После первой брачной ночи глянул Дралов на супружеское ложе, а простынь на нём – как двор после первого снегопада.

– Обманула! – вздыбился он.

– Девушка я была! – упёрлась Варвара. – Не веришь мне, пойдём к гинекологу!

Конечно, не мужское это дело по таким кабинетам ходить, но ради правды и собственного спокойствия потащился Дралов вслед за супругой.

Ожидая в коридоре женской консультации, пока осмотрят жену, Дралов ёрзал на низеньком диванчике, гадая, врала ему Варвара или нет? Он прокручивал в мозгу варианты, как поступит, если врала, и как, если не врала...

Наконец, в кабинет вызвали и его.

Гинекологом в районной больнице оказался долговязый мужчина лет пятидесяти, с большими ушами и крючковатым носом, из которого торчали чёрные волоски.

Дралов сразу смутился. Но вопрос свой из себя выдавил. Гинеколог не удивился. Наверно, много чего в своём кабинете повидал.

Усадив Дралова на кушетку рядом с супругой и глядя поверх их голов на плакат, рассказывающий, на каком сроке беременности у плода формируется центральная нервная система, гинеколог, устало вздыхая, прочитал целую лекцию о том, что не всегда дефлорация сопровождается крововыделением, что врачебная практика знает немало других случаев...

Дралов выслушал лекцию, набычась. И хотя доводы гинеколога его не убедили, но Варвару он больше не попрекал.

Однако жизнь семейная как сразу не задалась, так и покатилась.

Одним за другим родились два сына. Незаметно выросли. А любви у Дралова к жене и к детям так и не возникло, и привычка, которая, как писал классик, свыше нам дана и служит заменой счастью, тоже не появилась. Он тянул семейную лямку терпеливо и обречённо, как лямку служебную, и всё больше укреплялся во мнении, что нежное чувство, которое изгаляются описывать все эти поэты и романисты, есть обыкновенное недоразумение природы, и с ним лично ничего подобного случиться не может.

Только в возрасте, когда бабы становятся опять ягодками, а мужикам начинает лезть бес в ребро, любовь, эта капризная субстанция, вдруг повернулась к Дралову своим ясным ликом.

В очередном отпуске, который он по многолетней привычке проводил с супругой врозь, на военной турбазе в Кудепсте, Дралов познакомился с Анжелой. Они оказались соседями в столовой.

Разговорились. Анжела была не замужем, лет на пятнадцать моложе Дралова, работала продавщицей в окружном военном универмаге в Ленинграде.

Внешне она являла полную противоположность Варваре. «Звонкая и прозрачная», как он сразу окрестил её, с точёной фигуркой, милым личиком и копной золотисто-рыжеватых волос. Вылитая Анжелика – графиня де Пейрак из французского фильма.

Анжела решительно упростила сложное имя Дралова, доставшееся ему в память о деде.

– Можно, я буду звать вас Арик? – кокетливо улыбнулась она.

– Арик? Так меня ещё никто не называл... Что ж, я не против, – согласился он.

После обеда они вместе отправились на пляж.

На следующий вечер Дралов, от природы скуповатый, пригласил Анжелу в ресторан на берегу, а после они купались в ночном море – в чём мать родила...

Тело Анжелы отливало лунным, русалочьим серебром. Перламутром мерцала морская гладь, и таинственный бледный свет заливал пустынный пляж, создавая ощущение внеземного ландшафта.

Говорят, что Луна обладает магической способностью воздействовать на людей, вызывает у них странные реакции, побуждает на безрас-

судные поступки. Так это или не так, но в голове у Дралова как будто щёлкнул какой-то переключатель. Он враз вспомнил всё, что читал в юности про «флюиды и родство душ», и прочую, как ему тогда думалось, белиберду, которая теперь увиделась совсем не белибердой, а чем-то главным, единственно важным в жизни.

И чего уж совсем от себя Дралов не ожидал, он начал сочинять стихи, сравнивая в них Анжелу то с золотой рыбкой, исполняющей желания, то с таинственной звездой, зажжённой на его мрачном небосклоне...

В общем, случилось невозможное: он влюбился.

Они вместе ездили на экскурсии, загорали, целовались, бродили до рассвета по кромке прибоя, при первых лучах солнца собирая раковины...

Знойные отпускные дни, наполненные безумной страстью, пролетели быстро.

– Переедешь ко мне? – спросил он, даже не представляя, куда поведёт возлюбленную, если та согласится променять свой Ленинград на его задрипанный Энс. В этот миг он словно забыл, что у него только одна двухкомнатная квартира, где Варвара и сыновья, один – студент, другой – старшекласник.

– Запросто! – бесшабашно пообещала Анжела. – Приезжай за мной на белом коне...

– Приеду! На машине, – посулил Дралов, – на «запорожце»...

Анжела надула губки:

– На «запорожце»? В «запорожце» мои вещи не войдут... Я ведь невеста богатая...

– Лапуня, да я за тобой на КамАЗе примчусь! – Дралов был готов ради возлюбленной горы свернуть. – С тентом!

– Если на КамАЗе, – развеселилась Анжела, – приезжай! Я согласна! – дала ему адрес и телефон, и они разъехались в разные стороны.

Но одно дело – пообещать, и совсем другое – выполнить обещанное.

Не успел Дралов вернуться домой, как жизнь стала вносить в его планы свои коррективы.

В первый же день после отпуска начальник огорошил:

– Пиши рапорт на увольнение в запас, тебе же сорок пять стукнуло! Пора на заслуженный отдых! Забыл, что ли?

Дралов в связи с новым обаявшим его чувством и впрямь забыл о своём пенсионном возрасте и предстоящем увольнении.

Он попытался заикнуться, что готов ещё служить, но начальник и слушать не стал:

– Всё решено! Пиши рапорт! Кадровики торопят. Везде сокращения, и на твоё место уже претендент имеется! Месяц тебе, Дралов, на всё про всё, чтоб и ВВК пройти, и клуб сдать преемнику, и со всеми службами разобраться...

Дралов сказал: «Есть», но выполнять приказ не торопился: прикинул, если уйдёт в запас сейчас, у него один календарный год останется незакрытым, а это, как ни крути, три процента к будущей пенсии. Если же протянет на службе три месяца, год как раз и закроется.

Через знакомого прапорщика в военном госпитале устроил Дралов себе возможность залечь на углублённое обследование. Там разохался, разнылся, стал жаловаться на боли в спине, на язвенную болезнь, на почечные колики... Словом, наплёл с три короба и сумел в госпитале два месяца вылежать. Ещё один месяц сдавал дела. Так что своего не упустил и уволился тогда, когда запланировал.

Конечно, из госпиталя он звонил Анжеле в Ленинград по военной связи. В этом помог ему ещё один знакомый прапор.

– Что-то ты ко мне, Арик, не торопишься, – упрекнула Анжела.

Дралов обещал ей скоро приехать.

И опять случилась задержка. Из-за развода. Варвара ни в какую разводиться с ним не хотела. Она плакала, уговаривала Дралова одумать, ведь столько лет вместе прожили.

На суде она упирала на то, что нельзя советскую семью разрушать! Судья согласилась с её доводами и дала два месяца на примирение супругов. А после ещё один, так как у них есть несовершеннолетний ребёнок. Когда же в феврале следующего года состоялся третий суд и их всё же развели, остался Дралов без жилья, ибо маломерную семейную двушку суд обязал его оставить Варваре с детьми.

Как ни жалко было Дралову отдавать свои квадратные метры, он спорить не стал. Да и о чём жалеть, если впереди светит безоблачное счастье!

Перевёз он свой чемодан в однокомнатную квартиру с мебелью, которую снял, заплатив вперёд за полгода, и отправился к другу детства Феде Кочкину, директору автобазы.

Кочкин поначалу заартачился:

– Аристарх, какой КамАЗ? Ты не понимаешь, о чём просишь? Это же такая ответственность –

70

машину посылать в командировку через полстраны... А если что в дороге случится, с меня же три шкуры сдерут!

– Что ты, Федя, заладил: «случится», «три шкуры сдерут»? Неужели нет никакой нужды для твоего гаража в тех краях: скажем, запчасти какие-то дефицитные или попутный груз? У меня судьба решается! Ты мне кто: друг или поросячий хвостик?

Кочкин помялся ещё недельку и согласился:

– Лады, найду для тебя КамАЗ и водилу лучшего дам! Доставит туда и обратно с комфортом!

С комфортом добраться до Ленинграда не получилось: гололёд, метели, а ближе к концу путешествия – неожиданная оттепель. Дважды меняли колёса, а в Череповце у двигателя полетел масляный насос.

«Лучший водитель» – сорокалетний мужик по имени Гоша – все руки в наколках, набитых за две ходки, всю дорогу матерился, костеря и свой «агрегат», и кочки на дороге, и Кочкина, директора автобазы, и Дралова, свалившегося на его голову...

И даже распитая с ним на двоих во время вынужденной остановки бутылка «Московской» не сделала Гошу добрее.

Дралов терпел изо всех сил, чтобы не набить Гоше морду, успокаивая себя только тем, что скоро они приедут в пункт назначения, он заберёт свою лапуню, и заживут они долго и счастливо, как обещают в любовных романах.

В Ленинграде остановились в небольшой гостинице на окраине.

Гоша, отогнав КамАЗ на стоянку, сразу закупил водки и жратвы. Но пить и есть не стал. Не раздеваясь, завалился на кровать, хотя день ещё был в самом разгаре и объявил:

– Батонить буду...

– Это как?

– Закатаюсь, буду дрыхнуть после прогона...

А потом – нажрётся! Всё равно обратно выезжать только завтра утром...

– Ну отдохай, – миролюбиво кивнул Дралов, успевший помыться и побриться, а сам отправился в окружной универмаг.

В отделе по продаже военного ассортимента, где работала Анжела, её не оказалась. Пышная блондинка с оплывающим чрезмерно нарумяненным лицом окинула Дралова взглядом контролёра ОТК и, очевидно, посчитав «изделие соответствующим ГОСТу», пропела, налегая на «о»:

– Анжела сегодня в отгуле. Может, передать что-то хотели, так я передам...

«Наверное, слышала обо мне от лапуни... Вот и пялится теперь, как на картину в Русском музее...» – весело подумал Дралов, а вслух сказал:

– Спасибо. Сам всё, что нужно, передам.

Из универмага он отправился по домашнему адресу Анжелы, решив не звонить ей предварительно, сделать сюрприз.

Честно говоря, звонить Анжеле он не любил. Жила она в большой коммунальной квартире, трубку всегда поднимали чужие люди. Кто-то сразу звал Анжелу к телефону, кто-то начинал расспрашивать, зачем да почему. Одна мегера (и кто только придумал, что ленинградки все вежливые!) нахамила, мол, «задолбали всякие кобели своими звонками»...

«Понятно, почему лапуня с радостью согласилась ко мне перебраться, – посочувствовал он тогда Анжеле, – с такими стервами жить под одной крышей – запросто с ума сойдёшь! Сколько же народу у них в коммуналке толкётся? Это ж попробуй вытерпеть такое, если и кухня, и туалет, и ванная – одна на всех!»

Дом, где жила Анжела, находился в самом центре, в каких-то двух шагах от Невского.

Старой, дореволюционной постройки, он весь был украшен барельефами в виде женских голов с вьющимися, как у Анжелы, волосами и узорчатыми карнизами, с которых гроздьями свисали гигантские сосульки.

Они так переливались на выглянувшем из-за туч солнце, так истекали светлыми слезами – ранней капелью, что дом показался Дралову таким дворцом Берендея, в котором ждёт его Снегурочка, то есть Русалочка...

Стены подъезда ошарашили ободранной штукатуркой и нацарапанными повсюду фразами, наподобие тех, какими его всю дорогу потчевал Гоша.

Поднявшись на третий этаж по грязной, заплёванной лестнице, он отыскал нужную дверь. В стену рядом с нею было вмонтировано с десяток разноцветных кнопок, не имеющих подписей.

Дралов нажал наугад на первую из них. На звонок никто не отозвался. Он надавил на следующую, затем ещё на одну.

Наконец послышались шаркающие шаги. Дверь открыл тощий старик испитого вида, в грязном трико с отвислыми коленями, с чадящей «беломориной» во рту.

– К Анжеле, – не дожидаясь вопроса, представил Дралов.

Не вынимая папиросу изо рта, старик прошамкал:

– Тринадцатая дверь направо. Стучи громче, а то не услышит, – и пошкандыбал прочь.

По тёмному коридору Дралов, то и дело запинаясь о чьи-то башмаки, вёдра, швабры, велосипедные колёса, добрался до Анжелиной двери. Из-за неё раздавалось громкое пение.

«Эй, вы там, наверху...» – надрывалась Алла Пугачёва, грозя соседям явиться к ним на праздник и испортить настроение.

«Но я-то – жданный гость!» – Дралов с энтузиазмом забарабанил в дверь, представляя, как обрадуется ему лапуня.

Дверь отворилась не сразу. В дверном проёме возникла Анжела – в халатике, с взлохмаченной копной на голове.

– Здравствуй, лапуня... – ринулся к ней Дралов.

Анжела выставила вперёд ладони, будто не узнавая его.

– Это же я – Арик! – воскликнул он и осёкся, увидев через плечо Анжелы здорового мужика в семейных трусах, вальяжно развалившегося на диване. Он успел ревнивым взглядом выхватить стул, с висящим на нём чёрным флотским кителем, золотистые погоны капитан-лейтенанта.

– Привет! – удивилась Анжела. – Ты как здесь?

– Приехал за тобой... На КамАЗе...

– С ума сошёл, что ли? Какой КамАЗ?

– Ты же сама говорила, у тебя вещей много...

Обещала поехать со мной... – по-дурацки улыбаясь, забормотал Дралов.

– Вот ещё придумал, – вдруг разозлилась Анжела. – Никуда я не поеду! Иди ты со своим КамАЗом! – и, оттолкнув его, решительно хлопнула дверь.

Дралов долго стоял в полумраке, пребывая словно в обмороке.

А из-за двери, перекрикивая Пугачёву, раздавался голос Анжелы:

– Васечка, да это просто недоразумение...

«Недоразумение... Как же так?...» – Дралов, двигаясь, как лунатик, покинул коммунальную квартиру, медленно спустился и вышел из подъезда.

Он успел сделать несколько неуверенных шагов по скользкому нечищеному тротуару, как за его спиной что-то грохнуло.

Дралов медленно обернулся. Там, где ещё мгновение назад находился он сам, валялись куски огромной ледяной глыбы, разбившейся вдребезги, точно так же, как его мечты о счастливой семейной жизни, о взаимной любви...

«А ведь это недоразумение могло меня прямо по темечку тюкнуть...» – вдруг трезво и безо всяких эмоций подумал он.

АДЪЮНКТУРА

Подполковник Кичанов в учёные мужья не собирался, хотя и окончил военно-политическое училище с золотой медалью, а после – военную академию имени Ленина с красным дипломом.

Человек деятельный и энергичный, он не любил просиживать штаны (то есть форменные галифе) в кабинете. Предпочитал «живую работу» с личным составом на полигоне и танкодроме, хорошо стрелял и водил БМП, чем выгодно отличался от многих своих коллег по политическому цеху. Может быть, благодаря этим качествам да ещё и определённом фарту, не имея «мохнатой лапы» и не лебезя перед старшими начальниками, Кичанов быстро продвигался по служебной лестнице: к двадцати восьми годам стал заместителем командира мотострелкового полка по политчасти, а когда ему исполнилось тридцать два, был назначен на должность заместителя начальника политотдела военного вуза.

Завидная карьера! Ещё один шаг, и он – номенклатура цэка, советская элита, ведь начальник политотдела приравнялся к первому секретарю райкома и даже горкома партии, которым и кабинет, и телефон-«вертушка», и персональный автомобиль с водителем положены...

Но человек предполагает, а судьба располагает. Прибыл Кичанов в пресловутый вуз в день указа президента-реформатора об упразднении КПСС, соответственно, всех политических органов, и в один час оказался человеком без профессии и без каких-либо дальнейших перспектив.

Полгода был он за штатом, получая денежное содержание только за звёздочки на погонах. За эти полгода многое передумал о своей службе. Вспомнил, как несколько лет назад предлагали ему кадровики пойти служить в окружную газету начальником отдела боевой подготовки. Дело в том, что у Кичанова было хобби – он писал рассказы об армейской жизни, публиковал их в газетах и порой даже в толстых литературных журналах...

– Прямая дорога тебе, Иван Николаевич, в военную журналистику! Перо у тебя бойкое, слог ясный, опыт службы в войсках имеется. Побудешь начальником отдела годик-другой, а там замредактора станешь, а это уже полковничья должность... – ласково и с каким-то состраданием озирая Кичанова выпуклыми, воловьими очами, убеждал его начальник отдела кадров.

Кичанов тогда от предложения наотрез отказался, гордо заявив, что считает себя строевым офицером, видит свою карьеру в войсках и не собирается переходить дорогу всяким там выпускникам Львовского политехнического университета, где готовили военных журналистов.

«И что я, дурак, не пошёл в газету, – запоздало корил он себя, – военных газетчиков реформы не коснулись... Кропают себе статейки безо всякого партийного руководства и в ус не дуют. Мне, видать, придётся на гражданку топтать... А кому я там нужен?..»

Но судьба сделала очередной зигзаг. Начальник училища, присмотревшись к Кичанову, нашёл для него должность преподавателя на кафедре общественных наук. Бросил, так сказать, на амбразуру – поручил преподавать никому доселе неведомую культурологию, ворвавшуюся в программы российских учебных заведений, когда рухнул «железный занавес»...

Пришлось Кичанову стремительно осваивать новую профессию – педагога.

Обложившись книгами в областной научной библиотеке, он за неделю составил учебную программу, ещё за две сумел подготовить курс лекций. Тут пригодились и литературные навыки, и армейский опыт. Лекции на кафедре одобрили, и он стал читать их будущим военным инженерам. А когда подошли к изучению военного этикета, то и начальник училища, и другие старшие офицеры на его лекции зачастили, где ещё узнаешь, какой вилкой рыбу есть, а какой салат...

Всё вроде бы складывалось хорошо, да только должность преподавателя – тупиковая, подполковничья.

Полковничьих должностей на кафедре всего две: начальник и его зам. Оба – немногим старше Кичанова: ждуть, когда они свои кресла освободят, жизни не хватит. Но если бы даже вакансия и образовалась, претендовать на неё в первую очередь имели право кандидаты наук или хотя бы адъюнкты, то есть те, кто в адъюнктуре (военной аспирантуре) обучается. Таковых на

кафедре не было. Основная масса преподавателей – офицеры в возрасте, считающие дни до выхода в запас. Кичанов – самый молодой, но не кандидат наук и не адъюнкт...

И хотя не в характере Кичанова, натуры деятельной, было тосковать, а нет-нет да хандра его одолевала, особенно когда о сорвавшейся перспективе вспоминал.

И вдруг вызвал Кичанова к себе начальник кафедры подполковник Полторацкий, которому до полковника – рукой подать, и настоятельно посоветовал:

– Думаю, надо вам, Иван Николаевич, поступать в адъюнктуру. Если напишите рапорт, не раздумывая, подпишу! С одной только оговоркой – учиться будете заочно. Мы своими кадрами не разбрасываемся...

Советы начальника даже и на кафедре равны приказу.

Кичанов тут же написал рапорт с просьбой о зачислении его кандидатом для поступления в адъюнктуру Военного университета в Москве, именно так с некоторых пор называлась его альма-матер – Военно-политическая академия имени Ленина.

– Сразу, Иван Николаевич, беритесь за научный реферат, – посоветовал Полторацкий как недавний выпускник этой самой адъюнктуры. – Затем подготовьте пару научных статей и учебное пособие. В списке публикаций обязательно сошлитесь, что у вас есть напечатанные художественные произведения. Вы же пойдёте адъюнктом на кафедру культуры и искусства, а там это зачтётся...

– Ещё ведь и вступительные экзамены сдать надо... – Кичанов вдруг усомнился, что успеет всё подготовить к нужному сроку.

Полторацкий заметил перемену в его настроении и подбодрил:

– Ну что вам, золотому медалисту, экзамены? Подготовитесь и сдадите. Не боги горшки обжигают! Главное: кандидатский минимум по иностранному языку никоим образом не сдавайте в Военном университете! Вы же помните, какие мымы там на кафедре сидят. Они на поступающих офицеров как на врагов народа смотрят... Если рискнёте туда сунуться, больше тройка вам не светит! А для поступления нужна пятёрка!

Кичанов, конечно, помнил преподавательниц английского из родной академии. Это были все как на подбор дамы бальзаковского возраста с

неприветливыми лицами и ярко наведёнными бровями и губами. В их голосе, осанке и самой походке как будто сквозила смертельная обида на весь офицерский корпус, на то, что они потратили свои молодые годы, обучая этих ничего не смыслящих в языке Шекспира и Байрона солдат-фонов...

– Так что же мне делать с английским? – спросил он.

– Выход есть, – обнадежил Полторацкий. – По положению об адъюнктуре кандидатский минимум можно сдать в любом гражданском институте, где есть учёный совет по иностранному языку. Я сам сдавал его здесь, в сельхозакадемии. Дам вам телефон одной весьма милой дамы, она и поможет всё устроить. Но без ящика шампанского и моей записки к ней не ходите...

– Ну за шампанским дело не станет... – слегка приободрился Кичанов.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков упомянутой академии Ирина Арнольдовна и впрямь оказалась дамой, как сказал бы Гоголь, приятной во всех отношениях. Ровесница Кичанова, она в свои тридцать три могла бы дать фору многим двадцатилетним: симпатична, стройна, ухожена, умна и прочее – сам Бог велит за такой приударить, тем более что он вот уже несколько месяцев находился в разводе с женой, не сумевшей вынести разлуку и нашедшей себе другого избранника.

Однако, окинув Ирину Арнольдовну с головы до ног восхищённым взглядом и одарив её «гагаринской» улыбкой, Кичанов решил ни в какие амурные истории не ввязываться, ибо по опыту уже знал: дружба – дружбой, а служба – службой. Нарушение этого принципа ни к чему хорошему не ведёт. К тому же Полторацкий предупредил его, что Ирина Арнольдовна собирается уехать за рубеж на ПМЖ – зачем же женщине голову морочить?

Он передал Ирине Арнольдовне записку от Полторацкого и загрузил в багажник её «семёрки» ящик «Советского» шампанского.

Ирина Арнольдовна была дама опытная. Она почувствовала настрой Кичанова и тоже повела себя по-деловому: вручила ему толстый философский трактат на английском языке, указала, сколько страниц он должен перевести, на какие вопросы необходимо сделать устные ответы и к какому сроку надлежит быть готовым для сдачи кандидатского минимума.

Английский язык Кичанов учил и в средней школе, и в военном училище, и в академии. Особыми способностями он не блистал, но всё, что нужно знать по программе, усвоил. В анкетах честно писал: «Читаю и перевожу со словарём». А вот произношением похвастаться не мог, ибо не в семье дипломата рос, за границей никогда не жил и языкового опыта не имел. Допрос военнопленного, которому их учили в академии, сводился к нехитрым предложениям типа: «Вот из ё нэйм, гад?», и к инструкциям по получению от захваченного противника нужной информации, так сказать, при помощи «палки и верёвки».

Словом, Кичанову пришлось изрядно попотеть, переводя двести страниц текста и готовя ответы на вопросы, относящиеся к трети от всего переведённого (шампанское и было «платой» за подобное послабление). За три месяца он справился с этой нелёгкой задачей. А ещё через месяц успешно сдал экзамен, на котором председатель комиссии – старичок-фронтовик с орденами планками, он же – известный в своих кругах профессор-лингвист, даже привёл его в пример молодым аспирантам, сдававшим кандидатский минимум в тот же день:

– Смотрите, лоботрясы, человек служит Родине и так подготовился к экзамену! А вы...

Ирина Арнольдовна, сидевшая за экзаменационным столом по правую руку от профессора, при этом так ласково улыбнулась Кичанову, что он невольно пожалел о своих дурацких принципах...

С рефератом всё вышло ещё удачней.

Кичанов посвятил его проблеме формирования чести у курсантов военных училищ средствами культуры и искусства. Феномен воинской чести издавна интересовал его. Он мечтал быть похожим на тех, кто олицетворял собой эту честь, читал книги об офицерах, собирал и хранил в папке все публикации, относящиеся к этой теме, и даже сам написал несколько очерков и рассказов о лучших представителях русского офицерства.

Опираясь на имеющиеся в заглавнике материалы и знания, полученные при подготовке курса лекций по культурологии, Кичанов написал реферат довольно быстро и вместе с необходимыми сопровождающими письмами отправил в Военный университет...

Месяцы ожидания вызова на вступительные экзамены были заполнены обычной служебной деятельностью, не оставляющей возможности

для праздных мечтаний. Но чем бы он ни занимался: проводил ли семинары с курсантами, заступал на дежурство по училищу, ходил ли в офицерский патруль – мысли об адъюнктуре не оставляли его: «Допустят к экзаменам или нет? Пройдёт экспертную оценку реферат или посчитают ненаучным? А если пройдёт, то какой балл заслужит?..»

Вызов пришёл, когда Кичанов отсыпался у себя в офицерском общежитии после очередного наряда.

– Ваня, хватит дрыхнуть! Беги к телефону, начальство зовёт! – громко постучала в дверь комнаты дежурная, женщина простая, ко всем постояльцам относившаяся фамильярно.

«Начальство», то бишь Полторацкий, огорошило:

– Иван Николаевич, вам уже завтра надлежит быть в Военном университете. Командировочные и проездные документы я сейчас оформляю в штабе училища... Жду вас через час на кафедре!

Даже обрадоваться полученному известию Кичанов не успел. На бегу умывшись, побрившись, он помчался в училище получать необходимые бумаги, а после так же бегом – покупать билет в воинской кассе, собирать чемодан...

Ещё одно радостное известие пришло к нему под вечер. Буквально перед самым отъездом принесли телеграмму, извещавшую, что приёмная коллегия Союза писателей России наконец-то утвердила его кандидатуру и он может прибыть в Москву для получения членского билета.

История со вступлением Кичанова в Союз тянулась почти два года. Его приняли на собрании писателей Прикамья, где он тогда служил, и отослали выписку из протокола в Москву. А потом случилась смена власти в стране, началась неразбериха в Союзе писателей... То шла борьба за здание на Комсомольском проспекте, которую затеяли авангардисты во главе с громогласным Евтушенко, то долго не могли собрать членов приёмной коллегии... И вот наконец утвердили!

Поскольку в Военный университет Кичанов должен был явиться к пятнадцати часам, он с Казанского вокзала направился напрямик в Союз писателей.

Седовласый и сухопарый секретарь Союза Ляпин вручил ему красную книжцу с орденом Ленина на обложке и золотым тиснением «Член Союза писателей СССР» и, извиняясь, сказал:

– Новые билеты зависли в типографии... У нас нет денег, чтобы их выкупить. Пока походите со старым, со временем обменяем...

Кичанов поблагодарил Ляпина и вышел из его кабинета, ещё не ведая какую роль полученный только что билет сыграет в его дальнейшей судьбе.

В Военном университете Кичанова уже ждали. Начальник кафедры культуры и искусства капитан первого ранга Игнатъев, человек с невыразительным лицом и вялым рукопожатием, то ропливо принял от него документы и тут же познакомил с невысоким плечистым полковником, у которого на чёрных петличках поблёскивали скрещенные пушки:

– На время поступления это ваш куратор. Прошу любить и жаловать: полковник Ремезов. Все возникающие вопросы – к нему.

Первое, о чём спросил Ремезов, когда они вышли из кабинета начальника:

– Вы и в самом деле писатель?

Кичанов кивнул и протянул полковнику новый членский билет.

Ремезов погладил себя по блестящей лысине и уважительно произнёс:

– Да-а, впечатляет... Что же, и книги у вас свои есть?

– Есть. Две, изданные на Урале. Ещё одна готовится к выходу в «Воениздате»...

– Молодец... – похвалил Ремезов и заговорил о насущном. – Ваш реферат я прочитал. Мне он понравился... Если всё сложится удачно, я готов стать вашим научным руководителем.

– А разве может быть неудачно, если реферат понравился? – наивно поинтересовался Кичанов.

Ремезов сдержанно улыбнулся:

– Реферат – увы, не самое главное. По крайней мере, на данном этапе. Он, действительно, станет определяющим, если вы поступите. Но место-то в заочной адъюнктуре одно, а претендентов на него – два. Вы и ещё один кандидат. Капитан второго ранга. Непростой капитан... – тут Ремезов понизил голос. – Внук адмирала флота Советского Союза... Понимаете?

– Что уж тут не понять... – стараясь держаться молодцом, обречённо ответил Кичанов, смекая, что хотя и Советского Союза уже нет и адмирал уже не у дел, но друзья-то у него влиятельные остались...

– Отчаиваться не стоит! – по-отцовски приобнял его за плечи Ремезов. – Надеюсь, к экза-

75

менам вы готовы? Так вот, сдавайте экзамены, пожалуйста пятёрки, а там видно будет...

Соперник Кичанова, упомянутый капитан второго ранга Кашков, оказался вполне симпатичным. Держался он с Кичановым запросто, нос не задирал, своей родословной не кичился. Они вместе сдавали экзамены по теории культуры и философии, проходили собеседования на кафедре, обедали в университетской столовой и за время «хождения по мукам» вроде бы даже сдружились.

Но Кичанов хорошо понимал, что Кашков являлся для него конкурентом, и конкурентом серьёзным, ибо за ним маячила тень его прославленного деда.

Все дальнейшие события это подтвердили.

В первый же день знакомства с Кашковым выяснилось, что он прибыл на экзамены без сданного кандидатского минимума по иностранному языку и без готового реферата. Для любого другого претендента эти два обстоятельства означали бы полный провал.

Но только не для Кашкова. При всей строгости «мыр» с университетской кафедры иняза он получил за кандидатский минимум оценку «отлично». И реферат у него спустя три дня после приезда вдруг появился и был оценён Игнатьевым на пятёрку...

Конечно, сдача Кашковым упомянутого минимума и защита его реферата происходили без участия Кичанова. Может быть, Кашков и впрямь хорошо «спикал» на языке некогда потенциального противника, а сейчас – лучшего партнёра и союзника россиян. Может, он в самом деле оказался до такой степени одарённым, что за три дня сумел написать добротное исследование, достойное столь высокой оценки...

Только всё остальное, что происходило у Кичанова на глазах, свидетельствовало совсем об иных качествах Кашкова. Во время экзаменов и собеседований, которые они проходили вместе, капитан второго ранга не отличался ни знаниями, ни умением рассуждать. Кичанов не однажды созерцал, как его соперник тонет, не находя нужных ответов, или гребёт в противоположном направлении, но всё равно получает в зачётную ведомость отличную оценку.

Сам Кичанов пахал на пределе сил. Он даже осунулся и похудел на несколько килограммов – пришлось на ремне, поддерживающем его форменные брюки, делать новую дырку.

«Как же так, – негодовал он на несправедливость происходящего, – я ночи не сплю, зубрю,

напрягаю все извилины, чтобы высокий балл заслужить, а Кашкову пятёрки подносят на блюдечке с голубой кафёмочкой, ставят просто за красивые глаза, а вернее, за благородное происхождение... Конечно, ему, внуку адмирала, можно дружески похлопывать меня по плечу и ласково мне улыбаться, он уже знает весь расклад! Начальник кафедры – каперанг, да и сам Кашков – в чёрном кителе, а сколько ещё благодетелей за ним стоит в главном штабе ВМФ? Целая флотская мафия! Место адъюнкта мне, сучопутному, не светит...»

Его так и подмывало плюнуть, махнуть рукой на этот цирк, как он в сердцах окрестил сдачу экзаменов, да и отбыть к себе в училище, но злость да ещё, может быть, упование на какую-то нечаянную удачу не позволили ему этого сделать.

К итоговой комиссии у них с Кашковым оказалось равное число баллов. И это, если брать в учёт все известные обстоятельства, лишало Кичанова всякой надежды на поступление.

Об этом он и думал, когда стоял бок о бок с Кашковым перед дверью стеклянного зала, где заседала кафедра.

Следуя новым демократичным порядкам, на этом заседании и должна решиться их судьба, да что там решиться – просто быть оформлена протоколом...

76

Из-за дверей доносились голоса преподавателей и преподавательниц. Кафедра культуры и искусства была второй в Военном университете после кафедры иностранных языков, где работало много женщин. Они были профессорами, доцентами, преподавали теорию культуры, историю литературы, искусствознание и другие невоенные предметы...

Сначала что-то долго и нудно вещал Игнатьев. В его речи звучала только фамилия Кашкова...

Кичанов совсем упал духом. Ему вдруг вспомнился нищий, которого увидел сегодня утром, выйдя из вестибюля метро. Старик, в офицерской изрядно потрёпанной шинели без погон, сидел на гранитных плитах, подстелив под себя газету «Правда». Перед ним – донцем вверх лежала офицерская фуражка без кокарды, но с витым золотистым тренчиком. В ней уныло поблёскивало несколько пятак. Мимо старика челноками сновали москвичи и гости столицы, а старик всё тянул к ним свою скрюченную ладонь, прося милостыни.

Кичанову вдруг ощутил себя на месте этого старика: «Вот так и Кашков с Игнатовым на меня

смотря, с сожалением и презрением, как на отработанный материал... Ну нет, я просить милостыни не стану! Что бы ни решила кафедра, при- му это по-офицерски, достойно!»

А в стеклянном зале взял слово Ремезов. Он говорил взволнованно и громко. Кичанов отчётливо услышал:

– ...у нас на кафедре есть и профессиональные художники, и композиторы, а тут судьба посылает нам профессионального писателя... Мы не должны упускать такой счастливый случай...

Выступали ещё офицеры и какие-то незнакомые Кичанову женщины. Одну из них перебил Игнатов, на что она гневно выкрикнула:

– ...не надо на меня давить, я не военнообязанная!

За дверью всё ненадолго стихло. Затем снова раздались негромкие голоса, время от времени перебиваемые жидкими аплодисментами.

Напряжение всё нарастало. Кичанов поглядел на Кашкова. Тот тоже сгорал от нетерпения. Заметно волнуясь, извлёк из пачки с изображённым на ней верблюдом сигарету, долго вертел её в руке и снова спрятал в пачку, так и не решившись отойти на перекур.

Казалось, ожидание не закончится никогда.

Наконец дверь распахнулась. Первым из неё вышел начальник кафедры. С лицом в красных пятнах, он, не глядя на Кичанова, сутулясь и как-то боком подошёл к Кашкову, взял его под локоть и повёл в сторону своего кабинета.

До Кичанова долетели приглушённые слова каперанга:

– Кафедра проголосовала не в вашу пользу... Мне очень, очень жаль, но ничего нельзя было поделать... Мнение, так сказать, большинства... Я готов вас зачислить в очную адъюнктуру, если вы только пожелаете...

К Кичанову подлетел сияющий Ремезов:

– Рад за вас, Иван Николаевич! Вы приняли! – сказал он, пожимая своей крепкой ладонью мгновенно вспотевшую ладонь Кичанова.

– Благодарю, – выдавил из себя Кичанов, ещё не веривший в случившееся.

– Да не меня, Иван Николаевич, а женщин нашей кафедры должны вы благодарить от всего сердца...

Тут Ремезов придвинулся к Кичанову и перешёл на горячий шёпот:

– Из-за вас с Кашковым была целая баталия! Можно сказать, битва при Ватерлоо... Как дошло до голосования, многие наши офицеры не

дерзнули поддержать вашу кандидатуру, хотя и понимали ваши преимущества... Не захотели, видишь ли, с начальником кафедры отношения портить... А вот наши искусствоведы и культурологи не спасовали и отдали свои голоса за вас! Ох, как же правы были французы, провозгласившие: «Шерше ля фам!» – тут он снова заговорил в полный голос: – Идите же, мой друг, благодарите этих милых и храбрых женщин!..

Спустя полчаса Кичанов вышел из Военного университета победителем.

Пройдя чуть более сотни метров по Садовому кольцу, он свернул на улицу Горького и направился к Центральному телеграфу. По межгороду позвонил в училище, на кафедру и отпрапортовал Полторацкому, взявшему трубку:

– Докладываю: я поступил, товарищ подполковник!

– Поздравляю, Иван Николаевич! Вы – профессор! – голос начальника кафедры звучал глухо, с перебоями, с трудом пробиваясь сквозь треск и шумы в телефонной трубке.

Кичанову показалось, что он ослышался:

– Ещё не профессор, только адъюнкт...

– На нашей кафедре ввели новую должность профессора! – торжественно объявил Полторацкий. – Она – полковничья и ваша по праву! С начальником училища это уже согласовано. Видите, как всё удачно складывается... Возвращайтесь скорее! Ждём вас!

Кичанов повесил трубку и на радостях отправился в редакцию журнала «Честь имею» (так в новое время стал называться «Советский воин» – литературно-художественный журнал Министерства обороны). Его просил занести свои рассказы старый товарищ по совещаниям армейских писателей Николай Иванов, недавно назначенный главным редактором.

Светлоглазый и улыбчивый, он встретил Кичанова в новом просторном кабинете, дружески обнял и спросил в лоб:

– Пойдёшь ко мне постоянным корреспондентом по Уральскому округу? Место только что освободилось...

Кичанов замаялся:

– Да я вот в адъюнктуру поступил. В училище на должность профессора назначили. Мне же через полтора года полкана получать...

– Адъюнктура, профессура... Это, конечно, заманчиво... Но ты пойми, Ваня, у нас же журнал литературный, ты стал членом Союза писа-

телей, сможешь, наконец, настоящей творческой работой заняться и при этом продолжить службу... – весело поблёскивал глазами Иванов. – Должность корреспондента, конечно, подполковничья, но есть шанс со временем стать старшим посткором... Так что, ты согласен?

Кичанову пришло на ум классическое: «Чин следовал ему, он службу вдруг оставил...». Он вздохнул, вспомнив все перипетии своего поступления в адъюнктуру, мысленно содрогнулся, представив, как будет объясняться с Полторацким, и дал Иванову согласие.

КВАРТИРА РЯДЫШКОМ С МЕТРО

– Серёга, где хочешь жить после выхода в запас? – дурачась, спрашивали Коркина одноклассники по училищу связи.

– Да где угодно, лишь бы метро было поблизости... – на полном серьёзе отвечал он.

Что Коркин знал о метро? Да ничего не знал. Он даже не видел его ни разу. В Донецке, где он родился и провёл детство, метро отродясь не было. Да и во всей стране победившего социализма таковое имелось только в Москве, Ленинграде и некоторых столицах союзных республик...

Но почему-то думалось ему, Коркину, мол, если есть метро рядом – так ведь и жизнь другая...

Дослужившись до майора, Коркин понял, что офицеров, желающих прозябать в захудалом гарнизоне на краю света, не бывает. Все мечтают служить в хорошем месте, и уж если выходить в запас, то пусть и не в столичном, но в каком-то приличном областном городе, чтобы квартиру успеть получить рядом с благами цивилизации.

Он же от своей наивной юношеской мечты жить рядышком с метро так и не отказался.

Коркин служил всегда далеко от центра: в ДальВО и ЗабВО, и всё надеялся перевестись в какой-нибудь престижный округ: Киевский, Одесский, Закарпатский или Прибалтийский... Но он и предположить не мог, что когда наступит срок распрощаться с армией, не будет уже ни этих престижных округов, ни самой «непобедимой и легендарной», а вместе с нею не останется и страны, которой он присягал, да и увольнение его в запас произойдёт намного раньше, чем того требует выслуга лет...

Однако именно так и вышло. Новая власть, убаюканная заверениями бывших противников СССР, которых стали именовать «друзьями и партнёрами», что «холодная война» окончена и России больше никто не угрожает, ничтоже сум-

няшаяся, издала указ об одностороннем сокращении Вооружённых сил. Под него и угодил майор Коркин, едва успевший разменять двадцать календарей.

К этому времени он успел получить служебную квартиру на окраине Читы и даже приватизировал её, следуя новой моде. Но оставаться в Забайкалье навсегда Коркин не собирался: климат здесь не подарок, да и метро в Чите в ближайшие лет сто не предвидится...

Получив приказ об увольнении, Коркин растелил на кухонном столе карту Российской Федерации и вместе с женой Галиной стал выбирать, куда переезжать.

После недолгих обсуждений сошлись на Екатеринбурге, бывшем Свердловске, там и метро, пусть самое короткое и самое долгостроящееся в мире, в наличии, и родители супруги недалеко живут. Можно было бы поехать в Донецк. Но отец и мать Коркина умерли, квартиру свою они приватизировать не успели, да и Донецк оказался теперь в другом государстве...

В пользу переезда на Урал сыграло ещё одно обстоятельство – старый приятель, ещё с курсантских времён, Виктор Хрясько служил в особом отделе Уральского военного округа. Он обещал помочь подыскать временное жильё и с трудоустройством.

Сказано – сделано. Наскоро продав читинскую квартиру, Коркин упаковал вещи в положенный ему для переезда трёхтонный контейнер и отправил его до станции Екатеринбург-сортировочный. Загрузил Галину и двух сыновей-погодков Костю и Мишу в старенький москвичок и своим ходом отправился к новому месту жительства.

Хрясько не подвёл. К приезду Коркиных он подыскал им в спальном районе квартиру, сдающуюся в наём, и при помощи знакомого директора, офицера-отставника, зарезервировал для друга в одной из гимназий место преподавателя ОБЖ. Он же подсказал, что в одном из районов города начато доленое строительство кирпичного дома и посоветовал: «Район хороший. Недалеко от автовокзала. Ты с этим, Серёга, не тяни! Заключай договор и скоро со своей квартирой будешь!»

Коркин съездил в указанный район, увидел котлован, вырытый под новый дом. Место в самом деле оказалось приличное. До центра – рукой подать. Но главное, в шаговой доступности строится станция метро. Он нарочно прошёлся от котлована до забора с буквой «М». Всего

десять минут неторопливого хода. Это и оказалось решающим аргументом.

В тот же день Коркин отправился в районную администрацию, где заключил договор на строительство трёхкомнатной квартиры, на третьем этаже, с окнами, выходящими на будущую станцию метрополитена. Ему даже номер будущей квартиры назвали: «Сорок восемь». Он тут же внёс в кассу предварительно снятые со сберегательной книжки деньги и получил квитанцию об уплате.

Дом обещали сдать через полгода. Оставалось одно – ждать. Ожидание облегчалось тем, что можно было воочию наблюдать за ходом строительства.

В семье Коркиных это стало излюбленным семейным мероприятием: чуть ли не каждый выходной они садились в машину и ехали смотреть на «свой дом».

Когда он был возведён и начались внутренние отделочные работы, Коркин узнал, что в администрации «дольщикам» начали выдавать смотровые ордера, и тут же отправился за своим.

Но на этот раз заместитель главы администрации, маленький и круглый мужичонка с непомерно большой лысой головой и глазами навыкат, с которым Коркин и заключал договор, оказался вовсе не рад ему.

– Ваша очередь ещё не подошла, – огоршил он Коркина, когда тот протянул ему договор и паспорт.

– Как же так! – возмутился Коркин. – Передо мной к вам заходил человек, чья квартира в моём подъезде и этажом выше... Он ордер получил. А почему я не могу?

– Мало ли кто куда заходил и где у него квартира... Ваша очередь ещё не подошла! Это я вам говорю! – логика замглавы была просто убийственной.

– Я буду с вами судиться! – попытался урезонить замглавы Коркин.

– Это ваше право, – глядя сквозь Коркина, нагло заявил хозяин кабинета. – Будет решение суда – будем разбираться! Пригласите следующего...

Растерянный Коркин вышел из кабинета, махнул рукой следующему посетителю и тупо уставился на секретаршу.

Секретарша, судя по всему, считающая своим главным достоинством бюст, как у Памелы Андерсен, ещё подлила масла в огонь:

– Что, ордер не дали? Вы не первый сегодня! Значит, будете ждать ещё полгода, когда вторую

очередь дома сдадут... А что будет через полгода, кто знает? Столько теперь кругом этих обманутых дольщиков... Ходят и ходят, жалуются и жалуются! – и закатали к потолку свои болотного цвета глазки с густо подведёнными ресницами.

Коркина затрясло от предположения, что его надули, что в одночасье может превратиться в пар его заветная мечта. Он помчался на москвиче в школу, достал из сейфа в кабинете ОБЖ учебный ПМ со спиленным бойком, сунул его в карман куртки и снова поехал в администрацию района.

Пока ехал, в голове крутились истории про обманутых дольщиков, которые он слышал по телевизору. Он и представить не мог, что нечто подобное может приключиться с ним. Что он скажет Галине, когда она с детьми вернётся от родителей, из Режа, куда они отправились на весенние каникулы? В воображении Коркина рисовались самые страшные картины, что он и денег своих не вернёт, и без квартиры останется...

Он решил, что без ордера из кабинета замглавы не выйдет.

Припарковав машину на стоянке перед зданием администрации, Коркин взбежал на второй этаж и буквально ворвался в приёмную. Секретарша вышла куда-то, и посетителей не было: самый конец рабочего дня.

Осторожно приоткрыв дверь, Коркин заглянул в кабинет замглавы. Тот озабоченно перебирал на столе какие-то бумаги.

Коркин вдруг сделался хладнокровным. Таким, наверное, становится тигр перед броском на выбранную жертву. Он спокойно вошёл в кабинет, прикрыл за собой дверь, извлёк пистолет и приблизился к столу.

– Ну, как тебе, гнида, такой аргумент? – нацелил ствол в голову замглавы: «Вряд ли этот штафирка определит, что ПМ – учебный...»

Замглавы оторвался от своих бумаг, увидев пистолет, испуганно отпрянул назад вместе с креслом.

– Вы что?! Вы кто?! – тонким голосом возопил он, пытаясь нащупать на столе телефон.

Коркин передёрнул затвор.

– Не дёргайся! Голову разнесу...

– Вас посадят... Вас судить будут... – пролепетал замглавы.

– А мне всё равно. Я в Афгане контуженный...

– Что вы хотите, гражданин? – замглавы ещё пытался сохранять начальственный вид, но трясущиеся губы выдавали то, как сильно он напуган.

Коркин усмехнулся:

– А то ты не знаешь? Ордер мой смотровой давай! Квартира номер сорок восемь...

– Это вам не поможет, вы всё равно не сможете в квартиру попасть... – попытался вразумить его замглавы. – Она уже отдана другому... Сегодня ордер выписан... Вот, сами посмотрите, – он схватил со стола чёрную папку и стал лихорадочно перелистывать документы, – гражданину Почуеву...

– Мой ордер давай! – Коркин покачал стволом пистолета перед носом замглавы.

– Он ещё не выписан...

Коркин снова начал злиться.

– Так выписывай скорей! – приказал он. – И за тем же номером, что ты выписал этому... Почуеву...

Замглавы трясущими руками выписал смотровой ордер на бланке с печатью и протянул его Коркину.

Коркин взял ордер, прочитал, аккуратно спрятал в нагрудный карман и, погрозив замглавы пальцем, направился к выходу из кабинета.

– Вы не понимаете, с кем связались! Вам теперь не жить! Вас закопают... – в спину ему понесли угрозы.

Коркин медленно обернулся и снова погрозил пистолетом. Замглавы умолк.

На стоянке Коркин успел сесть в свою машину, когда к администрации подлетели два чёрных джипа.

«Неужели по мою душу? Так быстро...» Из джипов вывалились несколько крепких «качков» с битами и бегом устремились к нему.

Коркин дал по газам. Москвичок был его гордостью: при помощи армейских умельцев он, ещё служа в ДальВО, поставил на него форсированный двигатель с японской иномарки.

Но качки оказались шустрыми. Прежде чем Коркин вырулил со стоянки, они успели разбить у его машины два габарита и заднее стекло.

Коркин помчался по улице, судорожно сообщая, куда ехать: «В городе они меня всё равно достанут и за город вырваться не дадут...»

Одной рукой крутя рулевое колесо, другой он достал из бардачка ещё одну свою гордость – сотовый телефон, подаренный сослуживцами на его увольнение. Массивная телефонная трубка размером напоминала полевой телефон ТАИ-43, которым пользовались несколько поколений советских связистов.

Коркин набрал служебный телефон Хрясько:

– Витя, выручай! Бандосы преследуют...

– Где ты сейчас? – пророкотал друг.

– Около цирка... – Коркин, рискуя влететь в другие машины, проскочил на красный и выиграл пару минут, отрываясь от преследователей.

– Дуй прямо на Ленина тринадцать! Я предупрежу «территориалов», чтобы тебе ворота открыли... – скомандовал Хрясько.

По этому адресу находилось управление федеральной службы безопасности. «Туда бандосы точно не сунутся!» – мысленно поблагодарил друга Коркин.

Хрясько ждал его во дворе у «соседей»: его управление располагалось неподалёку.

– Ну, куда ты влип? – спросил он Коркина, оглядывая его израненный автомобиль.

Коркин начал рассказывать, что случилось, когда зазвонил его мобильник.

– Верни то, что не твоё! – раздался в трубке незнакомый голос.

«Откуда они мой телефон знают? Ах, я же его указал в договоре...»

– Мужик, – голос в трубке звучал как-то даже сочувственно, – отдай ордер прямо сейчас! Иначе, сам понимаешь! Мы про тебя всё знаем... Пожалей жену и сыновей... Надумаешь, позвони по этому номеру...

– Всё так плохо? – спросил Хрясько.

– Хуже некуда, Вить...

– Ладно, паркуй свою машину в дальнем углу. С коллегами я договорился: она здесь пока постоит. А мы пойдём помаракуем, что дальше делать...

В кабинете Хрясько они просидели допоздна, обсуждая, что предпринять.

– Совсем братва распоясалась, – бурчал Хрясько, поглядывая на бронзовый бюст Феликса Дзержинского, стоящий на столе, – год назад авторитета «центровых» прямо во дворе обкомовского дома завалили. Из автомата! Чикаго, мать его...

– А вы-то куда смотрите? – спросил Коркин. – Тоже мне, чекисты!

– А что мы? – огрызнулся Хрясько. – Политическая воля нужна! Прикажут – мигом всех скрутим.

– Выходит, нет такого приказа...

– Пока нет! – Хрясько посмотрел на часы и посоветовал: – Звони Галине! Пусть сидит в своём Реже и носа сюда не кажет, пока не позовёшь! И на телефон твой пусть не звонит – вся связь через меня... А с тобой мы поступим следующим образом. Ты сегодня у меня здесь на диванчике

перекантуешься. Подушка и одеяло – в шкафу. А завтра с утра я к соседям наведуясь, поспрошаю, может, кто что и присоветует...

На следующий день Хрясько сходил к «территориалам». Они дали такой совет, от которого у Коркина мурашки по спине побежали: идти к «смотрящему за городом» воровскому авторитету и с ним договариваться...

– Мне самому это не нравится, – хмуро сказал Хрясько, – но другого пути, Серёга, нет. Да ты не дрейфь: ребята обещали по своим каналам за тебя слово замолвить, да и я подстрахую... После обеда нам позвонят и дадут адресок, куда надо подъехать...

Адрес «явки» появился ближе к вечеру. Дом в районе кинотеатра «Заря», на Уралмаше.

Хрясько подвёз туда Коркина на служебной машине. У подъезда дома сталинской постройки высадил его, назвал номер квартиры, предупредил:

– Позвонишь три раза через короткий интервал. Тебя ждут. Много там не болтай. Больше слушай. Удачи!

Коркин поднялся по крутой лестнице на четвёртый этаж. Дверь распахнул здоровяк, наподобие тех, что вчера громили его машину.

Он ощупал карманы Коркина и, не найдя оружия, жестом показал, куда идти. По полутёмному коридору Коркин прошёл в большую комнату.

Она совсем не напоминала воровскую «малину» из телесериала «Место встречи изменить нельзя». Обычная обстановка: выдавшая виды стенка, диван, телевизор, стол. За столом сидел человек невзрачного вида.

«Неужели этот сморчок и есть авторитет?» – Коркин сделал несколько шагов к столу.

На Коркина глянули два острых глаза-буравчика. От этого взгляда ему сделалось зябко.

– Люди за тебя просили. Говори, с чем пришёл, – глуховатым, невыразительным голосом распорядился смотрящий, тонкие губы его почти не шевелились.

Коркин, стараясь говорить как можно короче, изложил суть дела: мол, деньги заплатил, договор заключил, пришёл срок получать ордер, его кинули, у него жена и дети, других денег нет...

– Ты кто есть? – спросил смотрящий, когда он умолк.

– Офицер.

– Мент или конвойный?

– Нет, армейский, в запасе... – поторопился отречься от внутренних органов Коркин и разо-

злил на себя за это: ещё подумает, что я его боюсь...

От пронизательного взгляда смотрящего и это не укрылось.

– Не люблю краснощёрых... – процедил он. – Армейский – это куда ни шло... Что же мне делать с тобой, офицер?.. Вёл ты себя, конечно, по беспределу: вольной размахивал перед лицом нашего человека...

– Ствол-то не боевой был... Учебный... – оправдываясь, сказал Коркин. – Я стрелять и не собирался... Так, припугнул... У меня выбора другого не было...

– Выбор всегда есть... – смотрящий умолк, уставясь в одну точку.

Наконец он принял решение:

– Тех, кто за тебя слово замолвил, обижать не хочу, да и ты мне понравился – не ссыкливый. Ладно, спишем ситуацию на твою молодость. Своих у тебя с хвоста сниму и семью твою пресовать не дам... Ступай.

Коркин остался на месте:

– А с квартирой как мне быть? – не понял он.

– Это – твоя забота. Сможешь занять без кровопролития, занимай. Мешать не стану...

Коркин кивнул и вышел.

– Ну как? – спросил Хрясько, когда Коркин уселся в машину.

– Пообещал не прессовать! Отвези меня на съёмную квартиру.

– Думаешь, бояться нечего?

– Да кто его знает... – отозвался Коркин.

Ещё несколько дней после этого он ходил по городу, озираясь. Но смотрящий сдержал слово: хвоста не было и с угрозами больше не звонили.

Коркин забрал свой автомобиль со двора ФСБ и сдал его в ремонт, а когда закончились каникулы, он поехал в Реж и привёз в Екатеринбург жену с детьми.

Решение, как занять свою квартиру раньше конкурента и без «кровопролития», нашлось неожиданно просто.

Гуляя как-то вечером возле своего готовящегося к сдаче дома, он познакомился со сторожем, охранявшим стройку. Разговорились. Сторожа звали Женя, «Женёк», как он представился. Женёк оказался бывшим прапорщиком и тоже связистом. Только служил он здесь, в уральской столице, в окружном полку связи.

– Да я самого комполка возил! У меня весь полк вот где был, – расхвастался Женёк, сжимая кулак совсем не внушительного размера.

– Да, водитель командира – это фигура, – по-дыграл ему Коркин. – Послушай друг, скажу тебе, как связист связисту: хочу в своей новой квартире дверь поставить железную, чтобы не возиться после сдачи... Вот у меня и ордер смотровой есть! Ты можешь посодействовать?

– Да какие вопросы, майор, – осклабился Женёк, – неси пару пузырей и во время моего дежурства ставь свою дверь сколько хочешь...

Сказано – сделано.

Коркин установил в квартире железную дверь. Привёз спальный мешок, тёплые вещи и заселился в квартиру, взяв на работе отпуск без содержания.

Полтора месяца, остававшиеся до сдачи дома, он находился в квартире безвылазно. Днём сидел тихо, как мышь, не подавая признаков жизни. А вечером приходила к дому Галина и приносила ведро с продуктами. Коркин на верёвке втягивал ведро на балкон, а второе ведро, так сказать, с «отходами жизнедеятельности», спускал вниз...

Конечно, жить в неотапливаемой квартире, без канализации и электричества было нелегко. Дни в стылom помещении тянулись медленно, как на гауптвахте, куда в годы учёбы в училище однажды угодил Коркин за самоволку – он тогда сорвался на свидание к Галке, в ту пору даже не невесте...

А вечерами, ворочаясь в неудобном спальнике на жёстком полу, предавался он невесёлым размышлениям: «Вот докатился, товарищ майор, живёшь, от людей прячась, стука в дверь боишься! Ешь по-собачьи и спишь так же! По нужде, как зэка какой-нибудь, в угол на ведро ходишь... Тоже мне, смотрящий за квартирой...»

И уж совсем горько было думать о том, что Галина принуждена его «нечистоты» на свалку выносить. «Я-то что – солдат, – терзался он, – мне всё привычно, а Галке за что такое? Другая бы уже бы истоналась вся, а она терпит... – с благодарностью думал он о жене и делал обобщающий вывод: – Вот что значит настоящая боевая подруга!»

С этими мыслями он обычно и засыпал, утешая себя тем, что трудности – не на век, что овчинка выделки стоит. Ибо вот она, квартира его мечты, ради которой он всё был готов вытерпеть и которую теперь охраняет.

С балкона хорошо было наблюдать за строительством метро, и это особенным теплом согрело Коркину душу. Он, будучи в добровольном заточенье, даже поговорку придумал, перефрази-

ровав знаменитое изречение Кутузова: «Велика Россия, а отступить некуда – позади метро!».

Наконец наступил день сдачи дома в эксплуатацию. В подъезды открыли доступ для жильцов, и в дверь квартиры, где забаррикадировался Коркин, постучали.

Приоткрыв дверь на цепочке, Коркин увидел перед собой мужика, примерно одних с ним лет, в кожаной дублёнке и бобровой шапке, какие в советское время носили члены правительства и цэка.

– Я – Почуев, хозяин этой квартиры, – заявил мужик, тыкая Коркину под нос смотровой ордер, где чёрным по белому значилось, что квартиру по такому-то адресу принадлежит такому-то владельцу и он может осмотреть её...

– Нет, уважаемый, – парировал Коркин, – квартира – моя!

Он показал мужику свой смотровой ордер и развёл руками, мол, ничего не попишешь: ордера у нас обоих за одним и тем же номером, выписаны в одно и то же время, кто в квартире на данный момент находится, тот и хозяин.

– Я буду с вами судиться, – грозно пообещал мужик.

– Со мной-то что? Судитесь лучше с администрацией района, – посоветовал ему Коркин, но, вспомнив своё обещание засудить пучеглазого замглавы, подумал, что совет дал Почуеву плохой: «Судиться с властью бессмысленно!».

Почуев, продолжая сыпать угрозами, ушёл, а через некоторое время Коркину принесли повестку в суд. Коркин, не без помощи верного Хрясько, нашёл хорошего адвоката и все суды по квартире во всех инстанциях выиграл.

Ещё спустя полгода он получил документ, подтверждающий его право собственности на квартиру. Вскоре и станцию метро рядом с домом достроили и открыли.

Только вот не пожилось Коркину в квартире рядышком с метро.

Галина после вселения в новую квартиру устроилась работать секретарём в областную прокуратуру. Там у неё случился роман с начальником.

Коркин с Галиной развёлся, оставил ей и детям квартиру, а сам стал снимать комнату на Сортировке, неподалёку от станции разгрузки, куда он отправлял из Читы контейнер с вещами.

Когда в четырнадцатом году началась война в Донбассе, он уволился из школы и уехал в Донецк добровольцем.